

В.А. Ваганян

Хачатур Абовян

Выпуск XX

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

B11 **В.А. Ваганян**
Хачатур Абовян: Выпуск XX / В.А. Ваганян – М.: Книга по Требованию, 2022. –
318 с.

ISBN 978-5-458-64038-1

В настоящем издании представлен биографический роман о Х. А. Абовяне (1809-1848), великом армянском писателе, основоположнике новой армянской литературы и нового литературного языка, педагоге и этнографе.

ISBN 978-5-458-64038-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хачатур Абовян — это самая монументальная и самая трагическая фигура армянской литературы.

Я говорю о литературе по традиции, мог бы сказать — всей армянской истории первой половины XIX века.

«Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нацию» (Сталин).

Этот процесс, как и всякий процесс, имеет критическую точку развития, когда вызревшие в недрах старого общества элементы нового в какой-то короткий срок консолидируются в сознании идеолога передового класса в систему новых взглядов.

На долю Абовяна выпала величайшей важности задача — в качестве идеолога третьего сословия формулировать основные положения раннего демокра-

тизма на почве потребностей и социальных противоречий своей истории.

Эту задачу он выполнил с подлинно гениальной непосредственностью.

Прошьян назвал Абовяна «человеком ранее времени родившимся».

Это меткое определение почти дословно совпадает с определением Герцена, назвавшего себя и своих друзей «рано проснувшимися».

Если сохранить все пропорции и надлежащую дистанцию, совпадение вполне закономерное.

«Далекий и одинокий предтеча буржуазной демократии дворянин Герцен» (Ленин) сравнительно легко вынес свое одиночество.

Ранний приход Абовяна был трагичен и стоил ему жизни.

Разница судеб, как и разница в четкости и ясности идейных настроений,— продукт различий социально-классовой обстановки. Чем сильнее поповско-феодальные традиции и силы, их охраняющие, чем медленней процесс экономического развития и слабее экспрессия нового общества, тем острее трагедия рано проснувшегося.

Консолидация экономическая, а значит и национальная, шла в армянской действительности мучительно медленно. Основы церковной диктатуры и феодально-поповских традиций расшатывались, но с убийственной медлительностью и при непрекращающейся неравной борьбе.

Такое неблагоприятное сочетание социально-классовых сил и делало судьбу Абовяна трагической.

Но его трагедия — одна из тех светлых трагедий, в которых фатальна не только смерть индивидуума, но и победа того дела, за которое он умирает,

Абовян провозгласил основы раннего демократизма, о характере которого с такой гениальной ясностью говорит Ленин в своих статьях о Китайской революции и о Сун-Ят-сене. В год, когда Абовян пал под тяжестью гнетущего несоответствия между задачами и средствами, в этот год вступил в строй другой солдат демократии, который поднял знамя Абовяна, последовательно прошел путь демократического развития до подлинно революционного демократизма.

Я говорю о Налбандяне.

В своей книге я пытаюсь изучением фактов, деятельности и творчества Абовяна, его борьбы, иллюзий, утопических надежд и горьких разочарований проследить этот процесс кристаллизации из туманного и хаотического недовольства — демократической программы.

Удалось ли это мне — пусть судит читатель.

В. Ваганян

РАЗГРОМИТЕ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ!

Постоянные напоминания о том, что национал-демократические традиции опутывают сознание трудащихся, угнетают мысль и творчество наших кадров, мешают нам правильно решить проблему наследства, заслоняя от нас все подлинно передовое, подлинно прогрессивное,— частые напоминания этой истины притупляют настороженность. Читатель хочет конкретности.

Читатель прав.

Потребность сегодняшнего дня не только в том, чтобы повторять уже знакомые предупреждения. Наряду с этим делом сегодня выросла другая еще более важная и трудная проблема: вытеснение национал-демократизма из уже занятых позиций. Имея в руках такой тонкий инструмент, как метод Маркса и Ленина, мы должны теперь же взяться за решение

этой неотложной задачи, за пересмотр национал-демократических традиций, за разгром этих традиций.

Ни одно поколение, как бы оно ни было умудрено собственным опытом, не сумеет выйти за пределы эмпирического повседневья, если оно не изучит прошедшего пути.

Предвидеть и соответственно строить поведение на грядущее можно только обнаружив законы и закономерности развития на большом полотне, на эксперименте, проделанном человечеством в течение долгого ряда столетий, на протяжении его длинного исторического пути.

«То, что было, облегчает понимание того, что будет», — справедливо говорит Плеханов. Но то, что было, только тогда облегчит нам задачу, когда мы его проанализируем с научной точки зрения, когда мы будем иметь дело с действительными событиями, а не с призраками, когда мы в состоянии рассматривать события в общем контексте исторического потока, а не в их партикулярном футляре, в их естественном виде, а не сквозь призму больного самомнением национального сознания, с научной трезвостью, освобожденной от всех предрассудков и традиций.

Когда я говорю о традициях, то чувствую острую необходимость тут же ограничить самого себя, ибо никто так не дорожит традициями, как мы.

Но традиции традициям рознь!

Мы дорожим традициями прогресса, поступательного движения истории, традициями ее социальных, идейных и политических революций — даже когда мы относимся к ним критически. Чтобы обрести такие традиции, Маркс, Энгельс, Ленин, должны были десятилетиями очищать авгиевы конюшни всемирной

истории от дурных традиций, от предрассудков, от ложных репутаций и мнимых авторитетов, от иска-жающих перспективу неверных оценок, от химер и фантасмагорий, от опьяняющих сказок и одурмани-вающего идолопоклонства, от вскормленного обску-рантизмом национального самомнения.

Традициями, выдержавшими эту критическую бурю, мы дорожим, и во имя создания таких тради-ций мы должны в национальных исторических пре-даниях подвергнуть пересмотру все прошлое наслед-ство, с его героями и славой, с его оценками и мне-ниями, с его теориями и обобщениями.

Национал-демократические рабы, клерикальные мракобесы, буржуазно-торгашеские тушицы, именовавшиеся «общественными деятелями», просто люди с мошной — все они наложили свое клеймо на исто-рию, на события прошлого, все они в меру своих сил искажали и извращали исторические дела и борьбу народных масс, создавали свою традицию, свою историю, свою перспективу, часто прямо противопо-ложную действительности.

Эту традицию надо пересмотреть, эту инерцию надо преодолеть, эти штампы надо разбить — тако-ва повелительная потребность времени. Надо пере-смотреть историю в свете учения Маркса, Ленина и Сталина при помощи их метода. Пора уже от преду-преждающих сигналов перейти к конкретной разра-ботке проблем.

В этом смысле прав читатель в своих требованиях.

Сдним из таких важнейших узловых вопросов истории, где читатель давно уже делает попытки вы-рваться из заколдованных круга лжи и клеветы, на-слоенных национал-каннибалской «наукой», — явля-ется вопрос об Абовяне,

Куда бы ни заглянул, за какую бы статью о нем ни принялся этот любознательный читатель — всюду он находит горы нелепостей, сусально-патриотического хлама и поповско-клерикальной клеветы. Даже Октябрьская революция не разбила эту традицию, и на страницах наших периодических органов не раз появлялись статьи, протаскивавшие сквозь тонкую ткань современной фразеологии старую престарую национал-демократическую идеологию.

Нетрудно предположить, что этот читатель с огромным интересом принялся за чтение статьи Ервандя Шахазиса о последних пяти годах жизни Хачатура Абовяна («Известия Института наук и искусств») и так же легко понять скептицизм, который охватил его с первых страниц ученой статьи. Первые же страницы, несомненно, поразили читателя своей идеиной беспомощностью. В 1928 году автор все еще продолжал барахтаться в лапах национал-демократических традиций, опутавших имя Абовяна.

А почувствовав это, не адресовал ли этот читатель горький упрек нашим достоуважаемым ученым академикам:

«Ну что бы нашим образованным марксистам помочь бедному Абовяну восстановить свое подлинное идеиное лицо?».

На самом деле, что же мешает?

Ведь это было бы величайшим благодеянием не только по отношению к читателю, но и по отношению к Е. Шахазису, который буквально задыхается в чаду национал-демократической кухни.

Не угодно ли послушать, как он, оспаривая предания о том, что Абовян был увезен в «черной карете» жандармами и сослан в Сибирь, поносит Абовяна: «За что царское правительство должно было его со-

слать? Он не был антиправительственным, как мы видим по его инспекторским бумагам (нашел надежный источник! — *B. B.*), наоборот, он был крайний руссофил и предан престолу, покорный господствующим законам и существующей форме правления. Вся его жизнь перед нами. Какой грех он совершил, какую вину он имел против государства, чтобы быть сосланным в «черной карете?» Для опровержения достаточно прочитать «Раны Армении». Собственно ручные письма и записи Абовяна неопровержимо доказывают, что он не был в числе протестантов против русского правительства. Не только в Эривани, но и нигде он не был руководителем армянской интеллигенции и с точки зрения государства не был и не мог в легендарной черной карете быть сосланным».

В этой тираде все замечательно, но даже в таком изысканном букете национал-демократических аргументов упоминание интеллигенции особо изумляет. Значит, царское правительство имело бы основание сослать Абовяна, если бы он был руководителем армянской интеллигенции?

Удивительно! Охранники Николая I предпочитали как раз обратное. Они весьма благоволили к «руководителям армянской интеллигенции» и преследовали тех, кого эта пресловутая интеллигенция не принимала, отвергала.

Почему же такое несовпадение между предположением Шахазиса и делами Бенкendorфа? Да потому, что Николай I в тогдашней «армянской интеллигенции» совершенно законно видел свою лучшую опору, с полным основанием считая ее надежной мозгильной плитой на народном сознании, а вождя этой «интеллигенции» — Нерсеса Аштаракского он про-

сто зачислял в свои охранительные беспогоонные войска, так сказать, офицером жандармского корпуса без мундира (почтайте наивный рассказ П. Прошьяна, как этот деспот армянских „трудящихся масс лобызался с жандармами и лебезил перед царскими чиновниками!).

В глазах Николая I и Бенкендорфа мир с феодально-клерикальной рутиной вовсе не был преступным.

Человек, который не может усвоить эту элементарную истину — поймет ли сложную проблему Абовяна? Исследователь, работавший продолжавший на семнадцатом году революции повторять традиционные национал-демократические, метафизические и неисторические аргументы, был обречен на полное непонимание внутреннего смысла таких сложных процессов, которые происходили в Европе, в России, — которые намечались и с огромными искажениями повторялись в Армении, в тридцатых и сороковых годах прошлого столетия.

Но сделаем наивыгодное для Шахазиса предположение, — сочтем его жертвой, жертвой традиций. Не он один чистосердечно продолжал считать клеветнический бред вчерашних властителей дум за подлинную науку.

Он не первый и, увы, не последний.

Дашнакский «Оризон» устами Лео в свое время объявил, что «народ любит Абовяна за то, что он был певцом зулума» — национального страдания. Он уверял, что эта народная любовь простиралась и «на продолжателей его дела», других певцов зулума армянской страны — Раффи и Агароняна, а значит и на них, дашнакских головорезов, певцов «геройств» которых были и Раффи и Агаронян.

Таков подлинный смысл этой национал-каннибалской клеветы. От подобного «обобщения» до того, чтобы сделать Абояна ответственным за добровольческое прислуживание царизму, за социал-мазуризм — один шаг. И я вовсе не исключаю возможности появления таких исследователей, которые сочтут за особую коммунистическую добродетель верить дашнакам. Они прикуют Абояна к колеснице русского царизма и будут особо озабочены тем, чтобы сохранить свою голубиную чистоту и с этой целью за версту будут обходить интереснейшее наследство Абояна, предоставляя его дашнакским падальникам.

Но что может быть преступнее такого отношения к истории, к памяти великих просветителей?

Что может быть неблагодарнее такого ответа на руку дружбы, протянутую нам из глубины девятнадцатого века?

Нет! Мы эту руку примем. Мы благодарно пожмем благородную руку мятежного просветителя.

Ни одной живой прогрессивной идеи мы не дадим нашим врагам, как не пощадим ни единой неверной идеи, не оставим неразоблаченным ни одного заблуждения, не пропустим мимо своего критического взора ни одной недоговоренности, недодуманности, половинчатости, не будем мирволовить ни одной слабости великих ранних демократов.